

Бог, сотворивший весь мир безо всякого утомления, хочет переродить в человеке сердце с согласия самого человека. Бог ждет молитвы и согласия на вход в это самое сердце человеческое, в его глубины. И если Он войдет туда, как некогда в ад, то Он и довершит начатое человеком. Он будет там, внутри, заглаживать обиды, стирать злую память, смягчать очерствение, лечить застарелые язвы. Мы сами не можем сделать эту работу. Она для нас непосильна.

На браке в Кане Христос превратил воду в вино. На Тайной Вечери Он претворил вино в Кровь. А внутри человеческого существа Он превращает шерсть, камень, дерево сердец в живую плоть. Только Он может это сделать, и без Его последнего слова наши труды — это лишь средство познать свое бессилие.

БЕЗ ХРИСТА НИКОМУ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

Порой простить ближнего — тяжелый труд. Также непросто бывает и просить прощения. Многим известно, что чудо прощения невозможно без благодати Христовой, побеждающей наш эгоизм и самолюбие.

Говоря о прощении, на что мы больше всего обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек нашел в себе силы простить другого. А когда не найдет этих сил (нет их в человеке, сколько ни ищи!), то взмолился бы Богу об их даровании, чтобы простить, забыть, отпустить от сердца обиду.

Отошло время подвигов. Никто не уходит в пещеры, никто не восходит на столп. Даже на время Великого поста многие не находят в себе сил расстаться... кто с конфетой, кто с сигаретой, кто с телевизором. Отошло, говорим, время подвигов, но не отшло время спасения. Господь не отдаился, чтобы слышать молитвы, и мышка Его не ослабела, чтобы спасать. И можно обрести

благодать без заметных внешних дел. Главным всегда было и будет дело внутреннее, подвиг умный.

Спасти, говорят, «не трудно, но мудро». Хоть один раз прочти молитву Господню, ни в чем Богу не солгав. Особенно не солгав в словах «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим». Если ты лжешь, что оставил долги должникам, то все твои грехи остаются на твоей голове, невзирая на многократные исповеди.

Без Христа никому ничего нельзя простить. Без Христа жизнь людей — это кровная месть между племенами, накопление исторических обид между народами и такие повседневные отношения между людьми, словно это не люди, а пауки в банке. Без Христа, по слову святителя Николая Сербского, человечество — это зверинец. И только идя ко Христу, Который простил всех нас, мы начинаем понимать цену прощения и его необходимость.

Вернемся к началу. Говоря о прощении, на что больше всего обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек поиском в себе силы простить другого.

Но давайте ощутим и другую грань темы прощения. А именно необходимость самому просить прощения и чувствовать при этом, что ты действительно виноват.

В «обычном» состоянии душа человека окутана темным облаком эгоизма и самооправдания. В этом состоянии человек мыслит и чувствует так, что все ему должны, а он не должен никому. Но если блеснет молния Духа и прогонит это мрачное облако, то мир предстает перед человеком в ином свете.

Накануне поста мы просим друг у друга прощения. Казалось бы, дежурные фразы: «Прости меня!» — «Бог простит, и я прощаю!» Однако сколько есть в храме людей, столько раз ты скажешь эти слова по-новому, в зависимости от того, кому ты их говоришь. В это время человеку действительно подается благодать Духа, раскрываются его духовные очи.

Ты видишь ясно и понимаешь, что вот этого, например, человека в душе осуждал за неопрятный вид, а эту семейную пару за то, что их ребенок шумно ведет себя на службе. Есть люди, от которых ты брезгливо отворачивался, есть те, над которыми в тайне сердца насмехался. Есть люди, которым ты в уме давал обидные прозвища. Вот они проходят перед тобою: «толстяки», «неряхи», «святоши», «тупицы», «мокрые курицы».

Хор поет: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», на лицах у многих слезы. Слезы эти и у тебя, потому что ты чувствуешь, что виноват перед всеми.

В любом рабочем коллективе, в любой редакции или кабинете, в любом офисе эта ситуация могла бы повториться. Только там не поют покаянных песнопений, там начальник не обращается к подчиненным с умилительным словом, не скажет: «Друзья мои! Я был недостойным руководителем. Там, где нужна была строгость, я был уступчив. Там, где нужна была мягкость и терпение, я нервничал и заставлял нервничать вас. Я многое сделал не так и теперь прошу вас — простите меня». Люди, еще сегодня утром осуждавшие и обсуждавшие шефа на перекуре, зашмыгали бы носами, у многих заблестели бы от слез глаза, и раздалось бы в ответ: «И вы нас простите!»

Разве это фантастика? Разве это так уж нереально? Но нет этого пока в офисах и на предприятиях. Зато в храме есть. В храме с человека спадает пелена слепоты, и он видит себя кругом виноватым. Даже не читая Достоевского, в храме человек понимает одну из прозорливых мыслей этого писателя. «Всякий пред всеми виноват». Так звучит эта мысль.

Наша душа одета в помыслы. Мысли — это нити, из которых соткана одежда души. И человек думал, что он одет богато, одет в мягкий, светлый, ниспадающий волнами шелк. А оказалось, что одет он в рубище, ткань которого соткана из

грязных нитей. Добрая половина грязи на этом рубище — помыслы осуждения, высокомерия, презрения к близким.

Об этой одежде души будет петь Церковь на Страстной: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онъ».

Эту же одежду имеет в виду Евангелие, когда говорит о человеке, пришедшем на пир не в брачном одеянии, о человеке, которого, связав по рукам и ногам, извергли вон.

Что же скажет душа, если почтует себя перед всеми виноватой? Начнет ли она сочинять длинные оправдательные речи? Вряд ли. Но и молчать она не будет. «Простите меня!» — будет говорить душа. «Простите меня, ближние и дальние, живые и усопшие! Простите меня, люди и Ангелы! Прости меня, солнце, освещавшее мои грехи, и ночь, скрывавшая их. Прости меня, земля, терпящая мой шаг, и воздух, вдыхаемый и выдыхаемый мною».

Говоря о прощении, на что мы больше всего обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек поиском в себе силы простить другого. Но давайте ощутим и другую грань темы прощения.

Прощение надо испрашивать, как у Бога, так и у людей. Может статься, что у Бога мы выпросим прощение быстро. Вздохнем, заплачем, скажем: «Прости меня, Господи!» — и Он тут же

простит. А вот у людей, быть может, придется просить прощения долго. Ведь их, людей, много. И Единому Господу нужно принести одно покаянное слово, а множеству людей надо будет часто повторять: «Простите меня, простите меня!» Повторять надо будет не механически, а живо, умно и прочувствованно. И слезы будут течь сами собой, и хор будет петь «На реках Вавилонских», а потом — и стихиры Пасхи. И только перед последним торжествующим стихом пение оборвется...

О ПОСТЕ

В русском языке слово «пост» имеет несколько значений. Это и предписанное религией воздержание от еды, питья и развлечений, это же и некое важное занимаемое место. «Он занимает ответственный пост!» — говорим мы о важной персоне. Если речь идет о военном быте, о котором говорится: «Пост сдал — пост принял», то этот пост бывает «охраняемым». На этом посту стоит часовой, чье внутреннее состояние наводит на мысль о посте религиозном.

Религиозный пост требует от человека внутренней собранности, и в этом его схожесть с заступлением на пост вооруженного военнослужащего. «Не зевать, не расслабляться, руководствуясь уставом, быть начеку». Таковы вкратце требования к часовому, выраженные несколько эмоциональным языком. Точно так же звучит часть требований и к человеку, соблюдающему религиозный пост. Итак, эта омонимия далеко не случайна и глубокомысленна. Военный пост «сдают» и «принимают», церковный «держат» и «соблюдают», но тот и другой «хранят». Человек